

Кулиш Пантелеймон Александрович

Записки о Южной Руси

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П16

П16 **Пантелеймон Александрович К.**
Записки о Южной Руси: Часть 1 / Кулиш Пантелеймон Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 330 с.

ISBN 978-5-519-91738-4

ISBN 978-5-519-91738-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

уразумѣнію подлинника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводимо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлюсь на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, произведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописаніе и приспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *приишли*, *милю*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы*, *мы*, и. т. п. Онъ будетъ произносить пѣчто подобное словамъ *ми*, *ви*, но никогда не скажетъ *вы*, или *ми*, такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образъ

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные рассказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ падокъ на простонародные рассказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе рассказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которою назывался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною рассказчика, которое могло бы служить для меня опорой въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ рассказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводирѣ*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ земляного цвѣта да

обрывки свитки, недоношенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ въ науку безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учить его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и всѣ неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсень и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ острѣдой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братіею великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредаясь во всѣ стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на дѣлпроветныхъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украинѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе гении, которымъ присвоивалось титуло *старѣшихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли. Слѣпые пѣвцы давно ужъ измельчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу исчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хомѣ и Еремѣ*, о *Дворянѣ*, вышедшей замужъ за *хлѣбороба*, и тому подобнымъ. Мой кіевскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недопѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бывасть. Я долго пріучалъ его къ себѣ исправною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморощенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій люкольнѣйшаго новаго, то есть — человѣкъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами

на своє убожество, а звуками и содержанием п'єсень, которых не въ-силахъ была удержать память п'ѣвца-пахаря, п'ѣвца-работника, занятая иными заботами. Ницѣ нашего времени добываютъ себя подачу одпообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства.

Такъ перебивался на свѣтѣ и мой старикъ съ своимъ поводитиремъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ п'єсколько разъ; я слѣдилъ за его р'чью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его р'чи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

Якъ лихолітѣ було, то прийшовъ чужоземець, Татаринъ, и ото вже на Вышгородъ бѣе, а далі вже й підъ Кієвъ підступас. А тутъ Михайликъ лицаръ бувъ, да якъ зійшовъ на баншту да пустивъ зъ лука стрілу, то стріла и впала у миску тому Татарину. Той скоро сівъ коло скам'ї обідати, тільки що поблагословився їсти, ажъ та стріла такъ и встромилася у печіно.

»Э«, каже, »се жъ тутъ є сильний лицарь!... Подайте«, каже, »мнѣ того Михайлика, то я одступлю.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихолітѣ*, пришелъ чужеземець, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кієву. А тутъ былъ богатырь (¹) Михайликъ. Какъ взомель на баншню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что съелъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и поткнулась въ *печіно* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кієвлянамъ, »выдайте мнѣ Ми-

(¹) Великоорусское слово *богатырь* по исполнѣ соответствуетъ малороссій-

Отъ Кияне шушү-шушү, и радятця: А що жъ? оддѣймо!»

А Михайликъ каже: »Якъ оддастѣ ви мепѣ, то въ остѣпнѣи разъ бѣдете бачити Золотїи Ворѣта.«

Да сѣвши на коня, обернѣсь до їхъ да ѣ промѣвлять:

»Ой Кияне, Кияне, пайдѣне громада!

Погана вѣшна рада:

Якъ-бѣ ви Михайлика не оддавали,

Поки свѣтъ сѣнця, ворогѣ бѣ Кїева не достали!»

Да взявъ на рѣтище ворѣта, — такъ якъ отъ снѣпъ святого жїта вѣзьмешъ, да ѣ поїхавъ у Царѣградъ черезъ Татарскѣ пѣиско. А Татарѣ ѣго ѣ не бачить. Отъ, якъ одкривъ ворѣта, то чужезѣмцѣ ввалились у Кїевъ да ѣ пѣшли по́топтомъ.

А лицарь Михайликъ и досѣ живѣ въ Царѣградѣ; передъ нимъ

хайлика, такъ отступлю.« Вотъ Кїевляне шушу-шуну, и совѣтуются: »Чтѣ же? выдѣдимъ!« А Михайликъ говоритъ: »Какъ выдѣдите меня, то въ послѣднѣи разъ видѣтъ вамъ Золотїи Ворѣта.« Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кияне, Кияне, честїа громада!* ⁽¹⁾ перѣауменъ совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдавали, — *поки свѣтъ солнца*, не добытъ бѣ врагамъ Кїева!« И подїялъ онъ копьѣмъ ворѣта — такъ вотъ, какъ подїимешъ спѣмъ свитого *жїта* ⁽²⁾ — и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Царѣградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ одкривъ ворѣта, то чужезѣмцы ввалились въ Кїевъ да и *пошли по́топтомъ*.

И живѣтъ богатырь Михайликъ досѣ въ Царѣградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просѣфорка; больше ничѣго не ѣсть. И Золотїи Во-

скому *лицарю* (рыцарю). Слово *нитязь* подходитъ къ *лицарю* ближе; но Великорусскїи *витязь* не имѣетъ почти непремѣннаго свойства Малороссїйскаго *лицаря*, именнѣо — сверхъестественнаго могущества, незаписнаго отъ физическаго силы и удачи.

(1) Мїръ, мїрская сходка. — (2) Житомъ называется въ Малороссїи рожь.

стоїть стаганчикъ води, и прѣскурка лежить; більшь пічого не ість. И Золотїї Ворѣта стоїть у Царїградї. И бѣде, кажутъ, колись такѣ врѣмя, що Михайликъ вѣрнетця въ Кїєвъ и поставить ворѣта на своѣ мїсто. И, якъ, идучї хто мимо, скаже: »О Золотїї Ворѣта! стоїть вамъ изновъ тамъ, де стоїли«, то зѣлото такъ и засїє. А якъ же не скаже, абѣ подѣумає: »Нї, вже не бѣть вамъ у Кїєві!« то зѣлото такъ и померхне. ⁽¹⁾

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленїйшей Татарщины, въ умѣ моего Кїевского пищаго сохранилось воспоминанїе и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь: Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНІЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Колись-то, ще якъ Польша пановала, — бо тепѣрь ужѣ Польши тїлько рукавъ, увѣсь свѣтъ — свѣта, а Польши тїлько рукавъ, — Польша хѣторъ, — такъ Татарѣ набїгали. Було на-

рѣта стоїть въ Царєградѣ. И наступить, говорятъ, время, что Михайликъ порогїтєя въ Кїєвъ и поставить ворѣта на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворѣта! стоїть вамъ тамъ онїть, гдѣ стоїли!« то зѣлото такъ и засїєтъ. Если жѣ не скажетъ, или подумаєтъ: »Нїтъ; ужѣ не бываєтъ вамъ въ Кїєві!« то зѣлото такъ и померкнетъ ⁽¹⁾.

(*) *Переводъ.*—Когда-то, еще какъ *пановала* Польша—теперь вѣдь оѣ Польши остался только рукавъ: весь свѣтъ—*свѣта*, а Польша — только рукавъ, Польша — хѣторъ, — такъ набїгали тогда Татары.

⁽¹⁾ Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кїєва нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на неѣ должнаго вниманїя. Помнїть только, что въ ней герой преданїя называется *Михайломъ Семилѣткомъ*. Извѣстный польскїй писатель Михаилъ Грабовскїй говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гвоздовѣ, подѣ Кїєвомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

вѣже людеѣи рукамі до жѣрткі нѣзку да ѣ женѣ. Отъ же естѣ и гай *Перейнъ*.

Такъ тоді-го разъ Татаринъ такъ напѣавъ того міру, що ѣ землі пѣажко. Отѣ почують вони въ степѣ. Такъ тѣи вѣже до людеѣи говорѣть: »Чи вѣже жѣ мѣжъ нами нема такого сѣильного; щобъ оцѣ сирицю порѣавъ, абѣ такого, щобъ ружжѣ замѣовивъ, абѣ-що? Подаваймо ми оцѣ мѣву по всѣмѣу обществу изъ концѣи въ кѣпѣць, щобъ такъ якъ оцѣ.....« (1)

Подали тѣю мѣву, одѣнъ по одѣному, одѣнъ по одѣному. Ажъ одѣнъ и кѣже: »Я«, кѣже, »розвѣжѣ и собѣи, ѣ намъ рѣки, тѣлько не видѣйте мене«.

»Не бойся«, кѣжѣтъ, »абѣи тобѣ Богъ помагѣавъ.«

Отѣ нѣтъ стѣвъ навѣболѣшки, степѣвся, — сириця такъ и трѣснула.

»Тепѣръ же«, кѣже, »одѣнъ одѣному розвѣзѣуйте рѣки да забѣгайте зъ всѣхъ бѣокѣвъ по частѣмъ та ѣи кричѣть: «Сюдѣи наші! сюдѣи наші! Забѣрай Тѣурка! бой Тѣурка!«

Кѣли такъ якъ парѣблѣть крику, — Тѣурки не стѣмилисъ да

Бывало Татаринъ навѣжѣтъ къ жерди людей и гошѣтъ. Оттого и лѣсъ зовется *Перегонъ*.

Вотъ однажды Татаринъ нагналъ столько народу, что и землѣ было тяжело. Почуютъ они въ степи; плѣшпкѣи и говорятъ между собою: »Неужели между нами нѣтъ такого, чтобы разорвалъ этотъ ремень, заговорилъ ружье, или что другое? Пустимъ - ка мы эту рѣчь по всему обществу, изъ конца въ конецъ, чтобы такъ какъ вотъ...« (1) Пустили рѣчь одѣнъ черезъ другого; вотъ и говоритъ кто-то: »Я«, говорить, »развѣжѣ и себѣи, и вамъ руки, только не выдайте меня.« — »Не бойся«, говорятъ; »лишь бы тебѣ Богъ помогъ.« Вотъ онъ сталъ на колѣни, вѣстрихнулся — ремень такъ и треснулъ. »Ну, теперь«, говорятъ, »развѣзѣывайте одѣнъ другому руки, забѣгайте со всѣхъ сторонъ по частѣмъ да кричите: «Сюдѣи наші! сюдѣи наші! Бери Тѣурка! бой Тѣурка!« И какъ этакъ подѣняли крикъ: го, го! го, го! какъ подѣняли

(1) Разсѣканцѣи по нашѣмъ здѣсь словъ для выраженѣи своей мысли. . . .

въ-рбѣтитъ, а наші за ними; побѣли и порубали, а самі додому перпулись.»

Заговоривъ о пищихъ слѣщахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никоненкѣ. Бѣдный! его уже пѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человекъ, истинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ степномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы ⁽¹⁾. Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худощавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ аккомпанировалъ себѣ на *ліръ* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскіхъ пѣвцовъ, на *кобзѣ*, или *банду́рѣ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голоситъ и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простонародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандурныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣнялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни правоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслушать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ наизусть, или самъ и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій вслухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а наши за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

(1) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что опъ зналъ, или помнилъ. Мнѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и рассказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ брѣжницкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, о козакѣ *Голобѣ*, непечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (¹)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я такой бувъ зъ-малечку, що разъ хай проспівас, то я й перейму.

Перше було нашому брату добре: якъ узавъ палицю да струментъ, то й пішовъ собі куді хочъ; ніхто не питавъ, хтѣ ти такой и зідки. А тепѣрь, то вже за свій станъ не ходи, атѣ за калавурѣмъ приставають. Тоді не було сѣго, щобъ женітьця,

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взялъ палку и инструментъ (т. е. кобзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

(¹) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникахъ г. Лукашевича и г. Метлицкаго, состоитъ только изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ стиховъ.